

характеризовать их идеи детальнее — читатель сам ознакомится с ними. Но пусть не проглядит он того, как в свете этих споров выявляется стимулирующая роль великого немецкого мыслителя в развитии русской философской мысли.

Это короткое вступление хотелось бы завершить выражением надежды на то, что в дальнейшем нам еще представится возможность опубликовать и другие имеющиеся в нашем распоряжении материалы, характеризующие распространение и интерпретацию философии Канта в России.

З. А. Каменский

Я. СНЯДЕЦКИЙ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРЕДМЕТУ НАУКИ ОБ УМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ И ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА СОСТАВ КАНТОВОЙ НАУКИ

Когда такие люди, как Декарт, Ньютон и Лейбниц, которые протекли и измерили великое пространство наук столь разнообразных, основательных и самых трудных, обогатили их новыми видами и истинами; извели их мели, глубокие места и недостижимые бездны; соединили свой творческий талант с глубоким размышлением — когда, говоря, такие люди пускаются в горную, опасную область *всеобщего видения*: отвага их бывает следствием или необузданного любопытства ума человеческого, или привычки бороться с трудностями, или ученой, так изъясняюсь, жадности, ищущей новых мыслей. Такие люди, ширясь в оной высокой сфере умозрений, как в любезном и родственном своем наследии, при удаче могут изловить там важные пособия для наук и для ума человеческого; в случае же падения своего и при неудачах могут оставить спасительные средства предосторожности для других ученых.

На сем-то поприще опасностей и славы *Декарт* обеспечил свободу разума человеческого, разрушил идольские жертвенники, воздвигнутые в средние веки неисследованным мнениям, предписал *методу сомневаться* при изыскании истин, сочетал *анализ* с Геометрией и показал новый путь к обширным, чрезвычайно важным открытиям в Математике и Физике. Но как скоро сей человек великий, оставив дорогу исчислений и умозаключений, ступил на путь *догадок* и феномены физического мира захотел изъяснить своими *вихрями*, то его заблуждения нанесли чрезвычайный вред Физике: он бросил между учеными яблоко несогласия и раздоров на несколько десятилетий, а тем самым остановил успехи наук и знаний.

Ньютон, счастливейший *Декарта* на том же пути всеобщего видения, открыл и предписал верные, непоколебимые правила упражняться в истинном *любомудрии*, то есть отыскивать естественные причины явлениям чувственного мира¹. В сем краю общего видения *Ньютон* и *Лейбниц* попали в одно время на виды

новые, дотоле неведомые в Геометрии; открыли новые исчисления, из коих родились новые сведения, ведущие разум человеческий к истолкованию великих таинств Природы и тех скрытых, чудесных связей, которые соединяют небо с землею. Еще в одной только лишь догадке Коперника о повсеместном тяготении вещества Ньютон усмотрел естественную причину движения тел и разных перемен движения в телах небесных.

Лейбниц, коего ум, по справедливости сказать можно, *энциклопедический*, объемлющий едва ли не весь круг человеческих знаний, в той же области общего видения бросил метафизические мысли о начале и разделении понятий; но из них не соиздал он особой науки: ибо знал, что творения глубокомысленного ума его, его богатого воображения могут и не быть творениями истины, которая одна должна служить основанием и доставлять материалы для науки неоспоримой. Лейбниц, рассматривая мысли и истины, как те, которые происходят из опыта (*veritates experimentales*), так и составляемые душевными силами (*rationales*), хотя, будучи глубоким Геометром, и любил доказательства, выводимые из начал общих (*a priori*); он, однако же, постановил за правило, что *способ идти от опытов к мыслям, от мыслей частных к общим (a posteriori) есть безопаснейший путь к истине и достоверности*². Наблюдения над истинами и мыслями, из опыта происходящими, показали сему великому человеку, что сей способ мышления всего чаще бывает большим или меньшим приближением к истине. Он первый заметил и вывел заключение, что исчисление вероятностей (*calculus probabilitatis*) должно быть величайшим пособием к достижению достоверности как в умозрениях или теориях, так и в мнениях физических: по сему-то побуждению захотел он Якова Бернулли обработать сочинение об *искусстве угадывать* (*de arte coniectandi*), о котором первые мысли набросаны Паскалем, Ферма, Гюйгенсом. И наука, при начале своем служившая для игры к отысканию желаемого жребия, по указанию Лейбница сделалась теперь важным трактатом логическим. Ее назвать можно *всами* достоинству человеческих мыслей в теориях физических и в случайностях общежития, когда невозможно дойти до математической достоверности, как я уже и упомянул в другом месте³. И так Лейбницу мы обязаны благодарить за главное разделение человеческих знаний и действий ума человеческого; им же показаны средства оценить достоинство оных и доходить до истины.

Сей быстрый взгляд на труды *Декарта*, *Ньютона* и *Лейбница* подтверждает, что доказал я в другом месте⁴, а именно: что область общего мышления, весьма часто будучи странною обманчивости, заблуждений и опасностей для всех, только лишь для необыкновенных умов бывает странною великих открытий и обширных видов. Единственно сего класса люди, исполненные сведений по разным отраслям учености, одаренные творческой

силою разума, прославившиеся собственными изобретениями и великим стяжанием умственным, были и всегда будут надежнейшими наставниками в науке мыслить. К творениям Декарта, Ньютона и Лейбница прибавим труды *Бэкона, Паскаля, Локка, Даламбера* в предисловии к энциклопедии, и мы найдем тщательно выбранные, едва ли не все психологические потребности ума человеческого удовлетворенными; найдем силы его и способности объясненными, приведенными в порядок; действия оных сил определенными посредством верных правил; найдем отделенную область достоверности от области догадок; ясные, несомнительные наставления о том, как должно поступать в той и другой области; найдем все доступное для разума человеческого тщательно отделенным от того, до чего не дозволено касаться ему в науках: и все то изложено языком чистым, ясным, вразумительным, все подтверждено доказательствами и примерами из наук основательных. Драгоценнейшим же оных великих мужей благодеянием было и есть для наук то именно, что они наложили пятно вечного срама и презрения на все метафизические фиглярства, что они избавили нас от хлопотливых, но суетных и праздных занятий, от науки слов темных и обманчивых, которыми *Схоластики* столь долгое время вязали, теснили и оболыщали понятливость человеческую. После столь многих трудов и усилий драгоценных искусство мыслить не требовало следственно уже никаких перемен, никаких исправлений; оно только лишь ожидало головы благоразумной и счастливой, которая все разбросанные объяснения, замечания, правила собрав и соединив в один состав целый, начертала бы систематическую науку *Психологии и Логики*.

Нашлись, однако же, немецкие писатели, взявшие на себя труд защищать учение веков средних; нашлись люди, которым вздорные исследования и пустословие схоластиков казалось достойным поприщем сил умственных! Но те же самые писатели не могут, я думаю, не согласиться, что когда с осьмнадцатым столетием открылся мир существенный и в нем такое множество наук действительных, наук потребных уму человеческому; то безумно было бы сводить его с пути существенности на путь мечтаний, уклонять его от достоверности и пользы и направлять к упражнению суетным и вздорным. В благоустроенном обществе и в такой век, когда имеют надлежащее понятие о храбрости, прилично ли было бы воскрешать времена хищнических нападений и разбоев, восстанавливать обычаи странствующих Рыцарей, искателей дивных приключений?

Не смотря на то, Кант, будучи уже шестидесяти лет от роду⁵, без всякой надобности, без всякой справедливой причины решился преобразовать всю теорию мышления, а приверженцы его вздумали распространить оную на все знания человеческие и произвести чрезвычайный, истинно варварский переворот в науках! Оставим приверженцев и рассмотрим усилия самого

начальника секты. Кант (как видно из его сочинений), напитанный всеми тонкостями школы Аристотеля и Схоластиков и к ним прилепившийся, коротко знакомый с теориями и мнениями всех сект метафизических, древних и новых, неизвестный в свете ни одной мыслию новой, ни одним изобретением в тех науках, которые по справедливости назвать можно пробным камнем основательного мышления, напротив того в сочинениях своих показывающий недостаточность сведений в оных науках — сей ли человек был способен к столь смелому, столь огромному предприятию в осьмнадцатом столетии?

В каждой науке наблюдается, во-первых, *сущность дела*, которое познать и доказать желаем; во-вторых, *цель*, к которой стремимся при сем познании; наконец *способ*, который ведет нас к упомянутой цели.

После того как Бэкон, Локк, Лейбниц, Даламбер и другие так хорошо объяснили способности и действия души, Кант по одному ает из гроба неудовлетворительное учение Платоново; разрушает весь порядок и зависимость сил душевных, принимая простое мнение за доказательство; убирает оные силы прикрасами Схоластиков, давно уже от всех презренными; изобретает свое *absolutum*, способностям души приписывает какие-то влитые от природы а ргіогі начала и виды, которых никто в себе не ощущает, которых никто в себе не заметил и которых никто даже постигнуть не может; одним словом, мешает мечтания и странности с простым, хотя впрочем недостаточным учением Платона: вот в чем состоит его *сущность дела*.

Вечный, счастливый союз между опытом и мышлением Кант ослабляет и расторгает; оспаривает у души человеческой то преимущество, посредством которого из чувственных феноменов составляет она общие мысли и общие истины; какими-то влитыми от Природы а ргіогі началами хочет объяснить нам то, что бывает делом внимательного наблюдения феноменов и тех связей, которые разум открывает между предметами и мыслями. И сию *цель* своей науки называет он *освобождением мышления от эмпиризма* и как бы облагородствованием души человеческой! Точно как будто недостаточность могла бы придавать душе благородство, и как будто для души славнее пользоваться уже готовыми, от Природы ей данными средствами и пособиями, нежели собственною силою готовить сии пособия и средства!

Прежде нежели рассмотрим *способ* или методу Канта, спросим себя: какие имел он побудительные причины к затеянному преобразованию? Не славу ли ума человеческого? Совсем нет; ибо славу разума созидают истины действительные, изобретения в науках, а отнюдь не простые мнения и не догадки о том, как делаются оные изобретения. Ни Кант, ни же кто-либо другой из метафизиков не объяснит нам тайных путей и способов гения.

Не польза ли наук была для него побуждением? Нет; ибо мозголомное, но тщетное, ни к чему не служащее выискивание, набор слов без мыслей и без ясного значения, мечты и странности, ни на что не могут быть годными ни для наук, ни для разума человеческого. Науки составляют единственно из истин достоверных, в точности доказанных и всеми признанных; мечтания же и мнения человеческие служат материалами для *романов*, и вести к ним людей посредством присваиваемого им какого-то воображаемого преимущества *мыслить a priori* в новом значении сего слова, значит обольщать людей и препятствовать их успехам в науках.

Сам, однако же, Кант в Предисловии к своим *Прологоменам* объявляет нам, что привело его к сей науке. Побуждением к тому послужило для него мнение английского философа Юма, которого несправедливо укоряет он в скептицизме, по тому поводу, что Юм никаких положений, никаких мнений всеобщих не допускает а priori в значении сего слова по Канту, то есть не допускает никаких положений и мнений, которых началом, близким или отдаленным, не был бы опыт⁶. Бэкон, Локк, Ньютон, Даламбер и едва ли не все великие люди в науках были и ныне суть подобными скептиками. Юм забавляется над слабыми, как сам называет, усилиями тех метафизиков, которые хотят нам в разуме человеческого показать нечто а priori, совсем не зависимое от опыта, и проникнуть тайну, не доступную для ума человеческого. «Огородились боярышником и терновником, — говорит Юм, — чтобы защитить свою слабость; сбивтые с открытого поля, как злодеи убегают в лес невразумительных слов и темных, с тем, чтоб оттуда делать свои набегии. Это суеверы, которые велят веровать в чистый разум, незамаранный опытностью».

Сии колкие, но справедливые мысли Юма, Кант принял за скептицизм, за кощунство, и в опровержение написал свои *Прологомены* и *Критику разума*, как чистого, так и практического. Чем же Кант старается одолеть своего противника? Всем полноводием *схоластической методы*, всем арсеналом слов темных и невразумительных — *материей и формою, категориями Аристотеля, силлогистическими предикатом и субъектом, абсолютном времени и пространства, просиллогизмами и эписиллогизмами*⁷ и проч., следовательно, таким оружием, которое уже осмеяно Юмом и которым нельзя ни достигнуть, ни поранить мыслящего человека: ибо не значит умствовать, а во зло употреблять разум, во всяком случае прибегая к *общим* мыслям, сбивчивым и пошлым, которыми доказывать можно равным образом истины, как и нелепости, и от которых родилась Кантова *Анти-тетика*, ведущая молодые умы к отчаянному скептицизму, и возвращающая нас ко временам ученого варварства Схоластиков. Кант, следовательно, выступил как новый атлет, который вздумал связать Геркулеса паутиной! И вот что Автор Замечаний

в Записках Львовских называет основательностью Немецкой школы! Между тем учит логика и простой здравый смысл человеческий, что основанием науки должна быть истина чистая, простая, убеждающая всякого, не терпящая никаких справедливых противуречий; что темнота и запутанность чрезвычайно вредны для науки, ибо под ними скрываются могут погрешности или обманы; что с противником должно сражаться не иначе как только лишь опасным для него оружием.

Трудно согласиться на предлагаемое Кантом производство сил умственных, и в таком случае куда годится его наука, которую он, сообразно своему плану, делит на *Эстетику* и *Логику* и последнюю опять разделяет на *Аналитику* и *Диалектику*, между тем как все это нимало не походит на науки и не соответствует данным от Канта названиям. Ибо что такое у него *Эстетика*? Истолкование абсолютного времени и пространства, изъяснение такого предмета, которого ни понять, ни объяснить невозможно. Что такое у него *Аналитика*? Показание искусства мыслить посредством категорий Аристотелевых, по которым нельзя мыслить надлежащим образом и которые не дадут к тому никаких пособий. Что такое у него *Диалектика*? Изложение всех призраков и обольщений, всех тех противуречий в мыслях, о которых человеческий разум спотыкается при своих умозаключениях. Сии обманы, сие смешение истины со вздором Кант почитает неизбежными, неразрывно соединенными с естеством разума, такими, от которых самый осторожнейший человек предохранить себя не может⁸. Чудное дело, что, представив разум в столь печальном положении, Кант посмел науку свою излагать таким догматическим тоном и с такою уверенностью; начинить ее таким множеством мозголомных вопросов и слов общих, когда едва ли не каждое выражение общее, не имеющее точной определенности, служит силками для уловления в обман и самого проникательного человека! Если ж тут вовсе почти нет действительного и верного средства выпутаться из оных сетей обольщения, распознать истину от неправды; то из учения самого же Канта следует, что *Метафизика* только лишь сбивает с пути, повергает в замешательство ум человеческий и что она, следовательно, есть самая вредная наука для юношества. И в самом деле, стоит лишь углубиться в Кантову *Антиномию* и его же *Антигетику*, где две мысли, совершенно одна другой противоположные, доказываются с одинаковою силой, стоит только читать сии сочинения, чтобы впасть в совершенный скептицизм и признать разум человеческий неспособным ни к открытию, ни к познанию истины.

Итак, вся Кантова наука о способностях и действиях души человеческой состоит вот в чем: знания наши получают свое начало от призраков или теней, переданных *ощутительности*, которая своим воззрением, своими формами, врожденными а priori, чувственные образы превращает в умственные и пере-

сылает их к *понятливости*; это опять средствами, также врожденными а priori, соединяет их, составляет из них суждения, мысли и представляет их *разуму*, который своими средствами, опять таки а priori, связывает оные мысли, приводит их к единству и извлекает из них свои заключения; но по естеству своему окружен будучи со всех сторон сетями обольщений и обманов, он не имеет верного и общего правила, коим руководствуясь, мог бы освободить себя от заблуждения.

По сей науке, следственно, всякое мышление влито а priori, между тем как все есть неверно и сомнительно, все состоит в каких-то изворотах, в изменении и превращении ума нашего. Если все это принять за справедливое в мозголомных положениях метафизических, за то уже оно будет клеветою на разум, науки, на все отрасли знаний человеческих.

Волен, конечно, был Кант, погрязший в отвлеченностях метафизических и страстно их полюбивший, волен был он составить из них свою *систему мышления* и подвергнуть ее критике людей просвещенных, ученых, совершенно способных судить о сем деле. Но надобно ли было его теорию, тогда еще не подробно рассмотренную, исполненную неуважения к опытности, а потому скользкую и опасную, надобно ли было вводить ее в училища общенародные, выставлять ее не в качестве простого мнения, а как твердое основание всех знаний человеческих, в сем обольстительном, говорю, виде выставлять ее умам юным, обыкновенно с жадностию бросающимся на всякую новость, не привыкшим основательно мыслить, не утвердившимся в строгом и точном рассуждении, не имеющим еще довольно сил, чтобы отличить обманы метафизических тонкостей? Надобно ли было наполнять юные головы тучею слов темных, над уразумением коих тщетно трудились, тщетно истощали свои усилия люди, поседевшие в ученых занятиях; выводить незрелые умы из мира достоверности и вгонять их в мир мечтаний; делать их приверженцами секты, поселяя в них вредную охоту толковать о том, чего они не поняли и никогда понять не могут? Надобно ли было из начал мнимых, сомнительных, по крайней мере не принятых всем ученым светом, выводить и составлять для того же юношества мечтательный образ всех наук, увеличивать его множеством других романов метафизических, вымышленных и предложенных в виде наук новых; изобрести цензуру на знания человеческие и все подвести под правила странные и непонятные⁹ (точно как будто бы науки были делом ума, непричастного опытам, погрязшего в мечтаниях!) и посредством сего учебного фиглярства учредить и распространять школу хвастливых пустозвонов? Сфера общего мышления в науках (как я выше изъяснился) есть святилище умов редких, обогащенных множеством сведений разнообразных, и приобывших к глубокому обдумыванию тех же сведений; но для голов обыкновенных, незрелых, не коротко знакомых с науками, оная сфера всегда

бывает страною погрешностей, обманов и головокружения. Книги II в 3-м отделении Кантовой Диалектики¹⁰ видеть можно, что науку свою он почитал за *общенародную*, то есть за льстящую суетности человеческой; ибо говорит, что люди, оставив дорогу опытов и эмпиризма, любят возноситься в область умозрений, любят обитать в ней и парить на быстрых крыльях мыслей. Но Кант, видно, забыл, что всякий имеет свои требования на право истинно мыслить, между тем как преимущество сие принадлежит весьма немногим, и что *система* его в руках толпы словесников, принимающих мечты за мысли, непременно должна сделаться язвою наук и просвещения.

И действительно, сам Кант должен был бы затрепетать при гибельных последствиях, какие от науки его произошли в Германии, когда б увидел так называемую философию Математики, Физики, Медицины, Законоведения, Литературы, наряженную в его номенклатуру, — когда б увидел свет наук почти исчезнувшим, ибо закрытым огромною тучею слов темных и невразумительных, вопросов темных же, давно уже презренных и преданных забвению, — когда бы он увидел ум человеческий погруженным в море запутанностей, в омуте настоящего сумасбродства. Ни одна секта метафизическая не причинила столько несчастий, столько не расстроила ума человеческого и не нанесла ему стыда, как секта Кантова; тому доказательством служат сочинения, по всем почти отраслям наук изданные в Германии, наряженные в ливрею *трансцендентализма*, истинно шутовскую и варварскую. Ее-то исчадие видим в романтических странностях литературы, в магнетических обманах, в фиглярствах Физики и Медицины, в *Космогониях*, где сотворение мира изъясняется бредом магнетистов едва ли не в самом сильном жару горячки¹¹, в *Космогониях*, говорю, происшедших из оных чудесных видений а ргіогі, не зависящих от опыта, *безотносительных* и безусловных. За великое счастье почитать еще должно, что по крайней мере время охладило жар сумасбродства и основательное учение возвратило людей к здравому смыслу, иначе надлежало бы учредить *карантин* против сей моровой заразы наук, посрамительной для нашего века и для разума человеческого.

Оставшиеся, однако ж, нерассудительные приверженцы Канта выдают перед молодежью науку его за то, чем не есть она в самом деле. Называют ее *наукою разума*, между тем как она есть *наука мнения о разуме* — а это совсем не то, что разум; ибо, в противном случае, пришлось бы насчитать столько разумов, сколько есть и было сект метафизических. Если же разум человеческий только один, а разные мнения о сем разуме, не имеющие на своей стороне ни сильных доводов, ни убедительности очевидной, суть не иное что как *секты*; следовательно, и Кантова наука есть учение секты, признающей мнимое достоинство *разума чистого*, то есть имеющего в себе зародыши истин,

не зависящих от опытов, или а priori, как называют ее последователи.

Наука сия, говорят они, ведет к *усовершенствованию разума*. Разум совершенствуется достоверными о вещах сведениями, ясным и чистым их уразумением, долговременным и в привычку обратившимся размышлением о несомнительных, очевидных истинах: мечтания и мнения человеческие, метафизическим языком излагаемые, языком по натуре своей темным и вводящим в заблуждение, не только не могут совершенствовать разума, но искажают его, портят, ибо влагают в него не самые истины, а то что в Логике справедливо называем *предрассудками*; ибо приучают его принимать пустые слова за вещи и за мысли; приучают его без пользы рыться в оных словах и всячески увертываться; приучают его к языку темноты и запутанности, который не есть ни язык чистого понятия, ни истинной науки.

Науку сию назвали *Философией*, между тем как она совсем иное; ибо Философия, даже по словам самого Канта, заключает в себе *Логикy, Метафизику, Физику и Нравоучение*. Наука же Кантова есть только *психологический трактат*, составляющий часть Метафизики. Это неполная *Идеология*, ибо не достает в ней учения о языке и словах, как знаках понятий. Сам Кант назвал ее только *Критикою чистого и практического разума*: следственно, это не *Психология* и не *Нравоучение*, а только лишь приготовление к сим наукам; это изложение мнения о началах и основных правилах, по которым надлежало бы изъяснить *Психологию* и *Нравоучение*. Каждый знающий и сии науки, и сочинения Канта не станет спорить со мною в этом деле. Ограничившись столь тесным и недостаточным видом предмета, нынешние Метафизики Немецкие *Философию* принимают в ложном значении, разумея под сим словом науку об одном лишь уме человеческом, который все из самого себя производит и который есть начало и конец всем, как они говорят, сведениям нашим. В таком случае философические познания наши действительно были бы весьма скудны, весьма слабы и даже сказать можно, что Философия была бы тогда наукою невежества. Ибо ум человеческий, взятый отдельно от всех человеческих познаний, есть существо нам вовсе неизвестное.. Природа сокрыла от нас под непроницаемой завесою то, что в нас самих происходит. Все вымыслы о врожденных понятиях, о видах и положениях а priori в значении слова сего, по Канту, суть не что иное как уловки и замашки невежества нашего, дабы объяснить то, чего не знаем и чего, как надобно думать, никогда не узнаем. Ум человеческий, в рассуждении сил его и действий, может быть постигнут не иначе как посредством его же творений, посредством внутреннего и внешнего наблюдения нашего над собою, то есть а posteriori. Философия же, как наука, объемлет едва ли не все собрание познаний че-

ловеческих: остановившееся над ними внимание ведет нас к познанию ума человеческого в его деяниях.

Философический вид каждой науки есть именно общее начертание всего того, что ум человеческий собрал и выработал из наблюдений и опытов или же из отношений между мыслями. Работа над таким начертанием должна быть упражнением людей, внимательно обозревших все оное поле деятельности человеческой, размышлявших о нем основательно с надлежащею точностию. Из того легко понять можно, что метафизики, не зная основательно других наук и сведений, как доньше бредили, так и впредь вечно будут бредить в своей науке об уме человеческом, ежели только не заключат они себя в пределах единственно объяснения сил и действий души, повсюду известных и принятых, о которых сведения из разных наук заимствованы, отнюдь не прилепляясь к загадкам суетным и неудоборешимым, не присвоивая себе ни законодательства в науках, ни цензуры на разум и не пускаясь романтическим путем в оную выпренную область всеобщего познавания, где легко может закружиться голова, откуда обыкновенно падают и ушибаются больно. Не всякой птице суждено парить на высоте вместе с орлами. Следовательно, все усилия Канта и подобных ему ловцов, стремящихся открыть тайные пути и тропинки гения, искать всеобщности (*Allgemeinheit*) и необходимости (*Notwendigkeit*) там, где во все нет их и где для нас быть их не может, старающихся знания посторонние, чуждые математического языка, поставить на степень достоверности математической и сделать точною наукою то, что ею быть не может — это все то же, что и усилия птиц взлететь на высоту, когда у них отрублены крылья. Ум человеческий возрастал и впредь возрастет будет своими творениями и деятельностью, но в стране наблюдений и опытов, в стране чистых отношений, ясного и верного языка, приличного исследованиям точным, а отнюдь не в стране мистицизма и метафизических мечтаний. Язык, говорит Лейбниц, есть зеркало понятия; следственно, где язык темен и невразумителен, там понятия неопределенны, вздорны, а может стать, и совсем нет их, и наука, таким языком излагаемая, есть не наука, но призрак для обольщения неопытных.

Как разумом *чистым* хотел Кант объяснить мышление; так *практическим* разумом хотел он объяснить основания нравственности. Не оставляя же туманной и тернистой дороги, которую для себя предназначил, как первую науку сделал он весьма темною, так равно и сию последнюю. Ни один моралист не выставлял науки о нравах с такою невкусною, отвратительною приправой, как наш Кенигсбергский философ: *материю и формою, категориями Аристотеля* и прочими схоластическими, несносными пустяками он усиливается изъяснить основания справедливости и добродетели. Чтоб и тут избежать *эмпиризма*, он отделяет ум человеческий от всякого союза с вещественностию,

от всего того, что необходимо в общежитии, и спешит дойти до своей любезной *всеобщности* и до *необходимости*.

Он доказывает, что первым условием нравственности есть свобода воли человеческой. Но при всей независимости воли человек, я думаю, не был бы существом моральным, если бы не был он существом общежительным: ибо нравственность проистекает из отношений человека к другим сочеловекам, из которых состоит общество; следовательно, общежитие есть первое условие и источник нравственности.

Путем разных тонкостей хитросплетенных Кант доходит наконец до начала и основания всей нравственности; вот оно: *Поступай так, чтобы правила твоей воли всегда служить могли основанием для всеобщего законодательства.*

Сие главное правило кажется мне и потому уже дурно, что оно *слишком премудро*. Начало нравственности должно быть ясным, простым, для каждого человека понятным. Мысль о законодательстве, да еще и о всеобщем, так затруднительна, многосложна, что даже и ученый человек не всегда может ее себе составить. Кроме того, иначе представит себе законодательство Нерон и Калигула и опять иначе Марк Аврелий и Вашингтон; следовательно, Кантово основание потому дурно, что не для всех вразумительно и что у людей разных характеров оно может иметь разное и значение. Но отделим от него школьную затейливость и педантизм метафизический; оно тотчас явится вот в каком виде: *делай другому то, чего желал бы ты самому себе от другого, или не делай другому того, чего не желал бы ты самому себе от другого*. Это всякий почувствует и уразумеет. Говорят, правда, Кантисты, что это *эмпиризм*; но в том-то и состоит неопровергаемое возражение против *Критики практического разума*, что Кант из метафизических тонкостей, которыми доказывать можно все и ничего основательно, также из разума, отделенного от ощущений, от людей и чувственных предметов, хочет выводить правила нравственности. Порядок общежития, равно как и склонности сердца человеческого отнюдь не должны быть упускаемы из виду при учении о нравах; ибо нравственность проистекает из первого, и она же должна быть распорядительницею желаний и движений воли в человеке. Всякому вольно бредить и мудрить в *Психологии*, в *Логике*, но отнюдь не в основаниях *Нравственной науки*, от которой зависит счастье каждого лица особенно и благосостояние общества.

Кант был человек добродетельный и самых примерных нравов: будем чтить память его, как мудреца, который житием своим более чести сделал нравственности, нежели своим учением.

Писано в Вильне $\frac{10}{22}$ Мая, 1820.

¹ De mundi sistemate liber III.

² Oeuvres Philos. T. II, p. 17.

³ O rachuncu losow. Pisma rosmarte. T. III, p. 329.

⁴ О Метафизике. Р. Р. Т. II. О rozumowaniu rachunkowym. Т. III.

⁵ Prolegomena 1783. Riga. [Прологомены, см. Кант И. Соч., Т. 4, ч. 1. М., 1965].

⁶ Of the different species of Philosophy. Essays vol. II, p. 10.

⁷ Кр. д. г. V. р., р. 388. [Критика чистого разума. Соч. Т. 3. М., 1964, с. 361; в дальнейшем указания по этому изданию осуществляются в общем порядке].

⁸ Krit. d. г. V. р. 397 [(3, 367)].

⁹ Кр. д. г. V. р. 364, 436 [(3, 346, 392)]. Главное правило разума: *где известен предмет условный, там известен и целый ряд условий, одно с другим связанных, а следственно, известно и то, что есть безусловное absolutum.*

Правило об употреблении разума: *знаниям условным понятливости старайся дать совершенное единство посредством абсолюта.*

¹⁰ Кр. д. г. V. р. 500 [(3, 439)].

¹¹ Isis Zw. Heft 1820 р. 198. [Здесь Снядецкий приписывает кантианству то, что относится к школе Шеллинга и ссылается на журнал ученика Шеллинга — Окена «Исис».]

В. АНДРОСОВ

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПРИБАВЛЕНИЕ К СТАТЬЕ О ФИЛОСОФИИ¹

Думают, что образованность и просвещение всегда почти неразлучны с славою оружия. Образованность может быть, но не просвещение: слава учености Русской далеко отстала от славы Российского оружия. — Образованность языка и нравов не составляет еще просвещения, так как легкое очертание не составляет еще картины. Без сомнения можно сделать выгодное заключение о следствиях, судя по тем успехам, какие мы показали в столь короткое время; но непростительно остановиться на первых усилиях, думать, что мы уже *все* сделали, восхищаться цветком и не радеть о плоде. Поэзия прелестна, но она мечта. Ум отдыхает только в вымыслах, но это не есть его назначение и занятие. Имея поэтов или, другими словами, мечтателей², мы не имеем, или мало авторов по части Любомудрия; перевес во всяком случае вреден, особливо если он не на стороне пользы и истины. Вкус общий действует на характер народа. Склонность к мечтательности, к Поэзии, не сопутствуемая светильником ума, ведет к легкомыслию, в Аркадию бесспорно, — но в жизни человека слишком много существенного, безжалостно противоречащего нашим *идеалам*; а истина печальная после очарования еще кажется печальнее. Нужно что-нибудь прочнейшее, постояннейшее, и мы находим это в образовании ума в Любомудрии. Влияние оно так далеко простирается по всем отраслям знаний и действий человека, что мы теряем его из виду, а с ним вместе и пользу, которую доставляет нам Любомудрие. Не место здесь изыскивать причину малой охоты нашей и успехов в Любомудрии; ее должно искать в первоначальном способе нашего учения и от него зависящем общем мнении.